

Говард Филлипс Лавкрафт

Что приносит луна

(What the Moon Brings)

Луну ненавижу - боюсь - она может мизансцену: привычную и любимую, выхватив из мрака, превратить в чуждую и отвратительную.

Именно в то призрачное лето луна затмила все над старым садом, в котором я блуждал; именно то призрачное лето дурманящих цветов и сырости морской листвы, принесло дикие, многоцветные видения. И пока я прогуливался вдоль мелкого кристального потока, увидел непривычную рябь, слегка подернутую желтым светом, как если бы те безмятежные воды уносились беспокойным течением к неизвестным океанам, которым не нашлось места в нашем мире. Тихие и искрящиеся, яркие и зловещие, те проклятые лунной воды спешили - я не знал куда: лишь белые цветы лотоса, сторонящиеся берегов, срывались дурманящим ночным ветром один за другим и, кружась, в отчаянии, падали в поток (ужасно далеко под изогнутым, резным мостом) оглядываясь назад со зловещим смирением спокойных, мертвых лиц.

И пока, сминая спящие цветы бесполезными ногами, я бежал вдоль берега, сходил с ума от страха перед неведомыми созданиями и соблазнительными мертвыми соцветиями, я увидел - сад в свете луны бесконечен; где днем поднимались стены - лишь деревья, тропинки, цветы и кусты, каменные идолы и пагоды, да изгибы светящегося желтым потока: между травянистых берегов и под нелепым мраморным мостом. А губы мертвых соцветий лотоса грустно шептали - звали меня за собой, следовать не останавливаясь, пока ручей не станет рекой и не соединится (среди болот с колышущимися тростниками и отмелями с блестящим песком) с побережьем огромного и безымянного моря.

Над тем морем светила полная ненависти луна, и причудливые запахи множились над беззвучными волнами. Я страстно мечтал о сетях - поскольку видел, как в волнах исчезали соцветья лотоса - чтобы выловить соцветья и вызнать от них секреты, что луна привнесла в ночь. Но когда луна продвинулась к западу, а от угрюмого побережья отхлынули бесшумные волны, я видел в том свете, что волны не скрывают более старые шпили и украшенные зелеными водорослями белые колонны. И зная: сюда, к этому затонувшему городу прибывают все мертвые, я дрожал, и не жаждал более говорить с соцветиями лотоса.

Все же, увидав далеко в море черного кондора, спускающегося с небес отдохнуть на громадном рифе, я был склонен задать ему вопрос и расспросить о тех, кого знал, когда они все еще были живы. Вот о чем я спросил бы кондора, будь он не так далеко, но был он слишком далеко - приблизился почти вплотную к гигантскому рифу - едва различим.

Так я наблюдал за потоком текущим под гибнущей лунной, видел сверкающие шпили, башни и крыши мертвого, залитого водой города. И пока я смотрел, ноздри пытались закрыться, сопротивляясь давящему запаху мертвого мира; поистине, в этом потерянном и забытом месте собрали всю плоть с кладбищ, собрали, чтобы одутловатые морские черви ее глодали и насыщались.

Над этими кошмарами зависла зловещая луна,.. только червям, чтобы питаться, не нужна луна. И пока я смотрел на волны, идущие от извивающихся внизу червей, я ощутил холод, пришедший издалека, где кружил кондор (как если бы моя плоть испугалась, прежде чем глаза заметили причину страха).

Только плоть не долго дрожала беспричинно, я поднял глаза и увидел - воды отхлынули, показывая большую часть огромного рифа, чей край я видел ранее. И тогда я увидел - риф, лишь черная базальтовая корона ужасающего создания, чей огромный лоб теперь виднелся в тусклом лунном свете и чьи отвратительные копыта, должно быть топтали ил милями ниже, я визжал, визжал пока ранее скрытое лицо не поднялось из вод, и пока скрытые ранее глаза не скользнули прочь от той пристально глядящей, предательской, желтой луны и посмотрели на меня.

И дабы избежать этого безжалостного создания, я с наслаждением, решительно погрузился в смердящие воды, где среди поросших сорняками стен и затонувших улиц толстые морские черви пировали на трупe мира.

Перевод: Thrary

1997 год